

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

А НАЧАЛОСЬ ВСЁ С ЗАМЕТКИ...

Работая в архиве, среди многих скопировал и разместил в альбоме группы «Сормово.рф» небольшую заметку из «Красного Сормовича» от 1938 года «Отлегло от сердца».

В статье описывается история простого рабочего паренька Пети Смыкова. В 1931 году он покинул родной дом и уехал в Сормово. Мать, собирая его, думала: «Вернётся обратно, никому такой шпингалет в городе не нужен». Но Петя не вернулся, радушно встретило его Сормово. Поступил в школу ФЗУ «учиться сварочному ремеслу». Там вступил в комсомол и после окончания школы стал работать самостоятельно «на сварке судов». В корпуно-сборочном цехе Пётр быстро «стал примерным ударником», ответственно выполнял комсомольские поручения и «всё время мечтал стать лётчиком». В 1936 году Петю приняли в лётную школу при Сормовском аэроклубе имени В.П. Чкалова. Два года учился там без отрыва от производства, хотя «иногда приходилось не досыпать ночами». Хорошим он был парнем: и учился, и работал по-стахановски! В 1938 году Пётр Смыков закончил школу на «отлично». На момент написания заметки ждал осмотровой комиссии для поступления в одну из военно-лёгких школ: «С большой страстью и волнением Петя Смыков ждёт этой комиссии. Ему хочется как

можно скорее осуществить свою давнюю мечту - стать отличным водителем боевых машин в воздухе, храбрым воином советской Родины». На этом и заканчивается заметка. Но не история!

Большекозинский краевед Маргарита Садовская просматривала альбом, увидела старую заметку и дополнила её... В общем, читайте дальше, судьба интереснейшая! «Пётр Петрович Смыков (1915–1966), лётчик, участник Великой Отечественной войны, после неё жил в посёлке Большое Козино. О военной судьбе Петра Петровича кое-что известно со слов его детей. В одном из боёв самолёт Смыкова был сбит, и он, раненый, попал в плен. Лечили в немецком госпитале, предлагали сотрудничество, а когда он отказался, отправили в концлагерь. Петру удалось бежать и попасть в партизанский отряд А.П. Бринского. Там за героизм он был награждён (какой наградой, рассказчики не вспомнили). Но потом как военнопленный был осуждён и отсидел в советских лагерях. После реабилитации можно было ехать в Москву восстанавливать звания и награды, но он не поехал».

По рассказам детей, в семье хранилась книга А.П. Бринского, где П.П. Смыкову был посвящён целый абзац: «Пётр Петрович Смыков погиб в результате несчаст-

ного случая на заводе «Красное Сормово».

Однако и это ещё не конец! Сбитый самолёт «Пе-2» П.П. Смыкова нашли поисковики отряда «Дон» в 2014 году. Они попытались проследить судьбу экипажа по доступным документам. На сайте «Дона» сообщается: «СМЫКОВ Пётр Петрович (1915–17.07.1942), старшина, лётчик, командир экипажа. Место рождения: Петушинский район Московской области. Место призыва: Горьковский РВК, г. Горький. Последнее место службы: 284 ад 778 бап. По информации из донесения о безвозвратных потерях, пропал без вести – не вернулся с боевого задания. Останки обнаружены ВРОО ИППО «Дон» в апреле 2014 года близ села Лебяжье Рамонского района Воронежской области вместе с фрагментами самолёта «Пе-2» №12/74. Опознан при установлении судьбы экипажа самолёта по его номерным деталям. Захоронен 8 мая 2015 года в селе Чистая Поляна Рамонского района Воронежской области (воинское захоронение №400)».

9 мая 2020 года, в день празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, в Воронеже открыт памятный знак «Лётчикам, защищавшим воронежское небо в годы Великой Отечественной войны». Мемориальная композиция появилась на постаменте у здания,

где базируется поисковое объединение «Дон» (г. Воронеж, ул. Солнечная, 26). Среди других там есть и имя нашего земляка: «СМЫКОВ Пётр Петрович (1915–17.07.1942), старшина, командир экипажа».

Рабочий паренёк из Сормова прожил хорошую жизнь: выбралась в люди, взмыл в небо, дрался с врагами Родины, в аду не потерял себя, уцелел, вернулся домой. Мы, сормовичи XXI века, тоже должны верить в себя и не сдаваться.

Пётр Смыков с однополчанами

Алексей ГУЛЕВСКИХ, Маргарита САДОВСКАЯ
Фото из семейного архива СМЫКОВЫХ

КАК ЭТО БЫЛО

ПАНОВА ГОРА. ФИЛИППОВСКИЙ СПУСК

Да, такое наше поколение –
Рудиментом в нынешних мирах,
Словно полужёсткие крепления
Или радиолы во дворах...

Отчего Панова гора имела такое название, не припомнит никто. Может быть, на горе или поблизости жил Пан или купец по фамилии Панов, или ещё что-нибудь. Этот довольно крутым, в сотню метров спуск начинался от пожарной каланчи и вёл к болоту и далее, дорогой через небольшой посёлок, – к Волге.

Коньки-снегурки верёвками прикручивались к подшитым валенкам, палочками закреплялись на подъёме ноги, и мы, школьники начальных классов близлежащей школы, сложив в кучу смёрзшиеся дерматиновые портфели, дотемна скользили по заснеженному склону «Пановки». С горы также катились на санках, на лыжах и на фигурино изогнутых из железных труб «татарахах».

«Пановка» была местом встречи школьной ребятни особенно весной, во время половодья, когда вода плескалась под окнами школы, и зимой, когда спуск покрывался снегом.

Зимой с Пановой горы вниз к

болоту трезвые возчики в брезентовых плащах поверх очинных полушибуков, на лошадях, запряжённых в розвальни, свозили грязный снег с улиц Сормова, а с замёрзшего болота они же вытигивали лёд и потом эти синие глыбы-«кабаны» развозили по ледникам пищеторга. Вверх по Пановой горе, впряженные в огромные салазки, по воскресным утрам вереницей поднимались запорошённые инеем заволжские товарки, поспешная на Сормовский рынок, чтобы выгодно продать свои разносоловы, молоко, мясо, разные поделки, точёные игрушки. В конце декабря каждого года к склону Пановой горы ежедневно съезжались целые караваны лошадей, привозивших из-за Волги по санному пути аккуратно срубленные кудрявые ёлки. Тут же шла бойкая торговля этим душистым товаром, ходким в последние дни старого года. После таких базаров дух еловой хвои, сена и конского пота ещё долго кружил в морозном воздухе.

Однажды в начале шестидесятых годов прошлого века, катаясь на лыжах с горы, я увидел ползущую из-за Волги вереницу саней, на которых везли связанных лёжа телят, подлежащих убою, чтобы

«догнать и перегнать...», и эти белодолаги, покрытые инеем и тяжело дышавшие, молча ждали своей участи. Сани тем временем медленно удалялись, и только густой пар струился над этой похоронной процессией еле живых молодых туш...

Самые хулиганственные из нас по-тихоньку брали от дома Ястребовых хозяйствские розвальни, тащили их на Панову гору, чтобы один раз съехать вниз (тащить в гору сани было уже трудно). Утром хозяин, заметив пропажу, уже догадывался, где искать сани, брал под уздцы лошадь и шёл с ней под Панову гору... Оттуда же, с Пановой горы, начиналась хорошо накатанная лыжня, которая, петляя между камышами замёрзшего болота, вела к Дубраве, Волге и вокруг садов.

Там же, под Пановой горой, летом в жирной земле мыкопали на возных червей для рыбной ловли, зимой сеткой ловили синиц, а по осени запускали бумажного змея – «ладейку», забегая против ветра по узкой полоске земли, не занятой огородами, неизменно при этом цепляя на одежду колючки череды, которые потом с большим трудом очищались с помощью столового ножа.

На горе, у дороги, стояла башня водонасосной станции, а под горой из-под земли выходила труба, из которой день и ночь бежала тёплая вода от охлаждения насосов. Она стекала в большую яму, из которой, извиваясь, журчал ручеёк и впадал в болото. У этой трубы хозяйствки с соседних улиц зимой и летом полоскали бельё, а мы, полагая, что, если полошут бельё, значит, вода эта чистая, иногда в жаркий летний день купались в этих стоках, всякий раз рискуя пораниться о битое стекло и ржавое железо, обрамляющие берега. Однажды в этой прозрачной воде я заметил зелёный кружочек и, спрыгнув в ручей, подобрал медную копейку с царским орлом. Тогда я ёщё не знал, что именно это болото упоминал великий писатель в своём знаменитом романе, и легко поднял со дна ту «болотную копейку». Зимой эта калужина замерзала, образуя у трубы коварную полынь.

Под горой, за пришкольным участком и спортивной площадкой, проходил периметр Сормовского завода, и часто летними вечерами можно было наблюдать, как усатый охранник в выцветшей гимнастёрке выводил откуда-то четырёх огромных сторожевых собак и спускался с ними к заводскому забору. Едва удерживая по два брезентовых поводка в посивевших руках, откинувшись назад и широко ступая, он с большим трудом тормозил мощную поступь свирепых псов... Этих собак мы потом дразнили, кидая в забор периметра камни, и слушали, как те бешено носились взад-вперёд по проволоке, изрыгая в наш адрес свои собачьи проклятия.

Позднее я узнал, что этих барбосов выводили из пасарни, которая располагалась на Песках, куда я когда-то бегал в керосинный ларёк за денатуратором для зажигалки и где мы иногда играли в футбол.

После занятий в школе мы почему-то не спешили делать свои домашние задания, а, переодевшись похуже, приходили на школь-

ный двор, где рылись в ржавых пирамидах собранного металломана в надежде отыскать что-нибудь интересное. Часто отыскивали уже ненужные баташовские самовары и беккеровские примусы, усыпанные плевками всевозможных медалей, реже – оружие, изъеденное коррозией и негодное. А когда это занятие наскучивало, то лазили в подкоп под деревянный школьный склад, откуда вытаскивали зелёные рифлёные коробки от противогазов, тут же развинчивали их, добывали в недрах устройства чёрный угольный порошок и рисовали друг другу усы. (Голубые резиновые маски с круглыми стёклами разрезались на полосы для рогаток.)

Кроме сбора макулатуры и металломана, в начальных классах мы приносili из дома и сдавали негодные стальные пёрышки, старые бритвенные лезвия, флаконы и пузырьки от духов и аптечки.

...Осенью, в глубоко вечерний час, пригнувшись и двигаясь гуськом, мы посещали пришкольный участок, где шарили всплеснув на грядках, а потом где-нибудь в укромном месте грызли молочными зубами каменную твердь брюквы и «кольраби».

За пришкольным участком на спортивной площадке мы также запускали ракеты с двигателями из фотоплёнки, а зимой дотемна гоняли шайбу на огромном школьном катке (залитой спортивной площадке).

В середине шестидесятых годов, при расширении территории Сормовского завода, замыли часть болота и коллективных садов, пришкольный участок и спортивную площадку, сравняли с землёй радость нашего детства – Панову гору, соорудив на этом месте два постамента с грозными танками и панельную коробку НИИ «Сириус».

Егор БУРМИСТРОВ
Иллюстрация Юрия
БОЛЬШАКОВА (из личного
архива Н.В. Новикова)

